ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“

при ближайшемъ участіи въ редакціи епископа **Иннокентія**, **И. В. Галкина**, **Н. Д. Зенина** и **В. О. Макарова.**

Сотрудники журнала: *епископъ Михаилъ, свящ. Гр. Карабиновичъ, діаконъ о. Ф. Гусляковъ, С. П. Мельгуновъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. С. А. Котляревскій, Я. А. Богатенковъ, И. В. Шурашовъ, А. С. Пругавинъ, П. В. Цвѣтковъ, К. Н. Швецовъ, С. И. и Л. В. Быстровы, Е. В. Воздвиженская, И. Н. Сахаровъ, И. А. Лукинъ* и др.

Программа журнала: Проповѣди, статьи богословскаго содержанія, историческіе документы и письма, статьи по народному образованію, лѣтопись событій происход. какъ въ старообрядчествѣ, такъ и внѣ его, среди газетъ и журналовъ, наша жизнь, критика и библіографія, отвѣты редакціи на вопросы подписчиковъ, церковное пѣніе и объявленія.

Годовые подписчики получатъ безплатное приложеніе **„Азбука демественная“** съ разводомъ на общепонятные крюки.

Подписная цѣна на журналъ **ТРИ** руб. Подписка принимается: **Кіевъ**, Подолъ, Никольско-Набережная, контора и редакція журнала **„Старообрядческая Мысль“.**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ БИБЛІОТЕКИ

„Старообрядческая Мысль“,

Москва, Моховая, д. 14, кв. 2.

Телефонъ 128-59.

ССIII 7/1

ıiотека „Старообрядческая Мысль“.
Подъ редакціей В. О. МАКАРОВА и И. В. ГАЛКИНА.

Д. С. Варакинъ.

ИСПРАВЛЕНІЕ КНИГЪ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

При бывшемъ Патріархѣ Никонѣ.

Цѣна 30 коп.

МОСКВА,
Типо-Литографія И. Ф. СМИРНОВА, Большая Дмитровка, домъ № 10.
1910.

Библіотека „Старообрядческая Мысль“.
Подъ редакціей В. О. МАКАРОВА и И. В. ГАЛКИНА.

Д. С. Варакинъ.

ИСПРАВЛЕНІЕ КНИГЪ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

При бывшемъ Патріархѣ Никонѣ.

Цѣна 30 коп.

МОСКВА,
Типо-Литографія И. Ф. СМИРНОВА, Большая Дмитровка, домъ № 10.
1910.

„Пров 38“

Библіотека „СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“

подъ редакціей В. О. Макарова и И. В. Галкина.

Епископъ Михаилъ. Апологія старообрядчества. Ц. 30 коп.

Д. С. Варакинъ. Исправленіе книгъ въ XVII стол. Ц. 30 коп.

Малый катихизисъ. Цѣна 50 коп.

В. Т. Зеленковъ. Матеріалы для исторіи и изученія нѣкоторыхъ стар. церк. ритуал. Ц. 1 р. 20 к.

Смѣта расходовъ „Святѣйшаго Сѵнода“ въ Государственной Думѣ (стенографическ. отчетъ 1910 г.). Ц. 10 коп.

Къ АВГУСТУ выйдутъ изъ печати:

Епископъ Иннокентій. Церковь Христова временно безъ епископа (изд. исправленное и дополненное).

Его-же. О жалованьѣ митрополита Амвросія.

Денежную и простую корреспонденцію библіотеки **„Старообрядческая Мысль“** просятъ направлять **только** И. В. Галкину.

Москва, Моховая, д. 14 кв. 1.

561
37

Исправленіе богослужебныхъ и другихъ книгъ, совершенное бывшимъ патріархомъ Никономъ въ половинѣ 17-го вѣка, составляетъ вопросъ не малой важности.

Защитники реформъ Никона почти единогласно утверждаютъ, что протестъ нашихъ благочестивыхъ предковъ противъ исправленія Никономъ богослужебныхъ книгъ есть не иное что, какъ плодъ темноты и невѣжества. Но если всмотрѣться въ это дѣло ближе, то получится совершенно другое. Окажется тогда, что приговоръ защитниковъ реформъ Никона надъ протестомъ нашихъ великихъ предковъ несправедливъ и даже недобросовѣстенъ.

I.

Необходимо прежде всего установить, что исправленіе богослужебныхъ книгъ не составляетъ погрѣшности или заблужденія, но только—исправленіе разумное и не затрагивающее чистоты вѣры и благочестія. Такое исправленіе богослужебныхъ книгъ признано было необходимымъ еще до стоглаваго собора, а именно въ 1518 году, въ царствованіе великаго князя Василія Іоанновича, когда приглашенъ былъ въ Москву для этого дѣла ученый инокъ Максимъ-грекъ, впослѣдствіи причисленный церковію къ лику святыхъ. Объ исправленіи книгъ заботился и стоглавый соборъ, бывшій въ 1551 году, который въ 27-й и 28-й главахъ своихъ опредѣленій постановилъ: „а которые будутъ святыя книги: евангеліе и апостолы и псалтыри и прочая книги въ коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы (протопопы и священники) тѣ всѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ справливали соборне, занеже священныя правила о томъ за-

прещаютъ и не повелѣваютъ неправленныхъ книгъ въ церковь вносити ниже по нихъ пѣти"... „Также которые писцы по городамъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили, потомъ же бы и продавали, а не правивъ бы книгъ не продавали; а который писецъ написавъ книгу продастъ несправивъ и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправлену книгу купитъ и вы бы тѣмъ потому же возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь тако не творили". (Стоглавъ, глав. 27 и 28). Такъ постановилъ Стоглавый Соборъ.

Исправленіе книгъ потребнымъ признавалось и пятью московскими патріархами, и въ особенности много было проявлено энергіи въ этомъ отношеніи патріархомъ Іосифомъ. Не противъ, наконецъ, исправленія книгъ были и тѣ наши благочестивые предки, которые первыми заявили протестъ противъ никоновской реформы. Это подтверждается, во первыхъ, подписью епископа Павла Коломенскаго подъ опредѣленіемъ собора 1654 года, гласящею: „достойно и праведно исправити противо-старыхъ харатейныхъ и греческихъ", а во вторыхъ, заявленіемъ діакона Ѳедора: „не диво то,—говоритъ онъ,—еже и въ старыхъ книгахъ какія описи бываютъ и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе, и послѣди исправляется отъ искусныхъ мужей. Ово же опись, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ, и догматомъ церковнымъ. За опись бо кую въ книгѣ какой ни есть и погрѣшенное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти; *а за превращеніе книгъ старыхъ и догматовъ правыхъ измѣненіе подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати,* обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отецъ". (Матер. для истор. раск. Субб., т. VI, стр. 127). Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно видно, что *исправленіе* богослужебныхъ книгъ не погрѣшительно и не составляетъ заблужденія. Если же это такъ, то какъ же, скажутъ намъ, вы обвиняете Никона за исправленіе богослужебныхъ книгъ? На такой естественный и неизбѣжный вопросъ я и начинаю отвѣчать, на основаніи

данныхъ предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ никоновскому исправленію.

II.

Богослужебныя до-никоновскія книги не только сами за себя доказываютъ, но подтверждаютъ это даже и противники старообрядчества, что исправлять ихъ было не нужно. Такъ объ этомъ пишетъ проф. Голубинскій: „Исправленіе... книгъ не было безусловнымъ образомъ необходимо“... („Къ нашей полемикѣ съ старообр.“, стр. 62). Что же касается самыхъ книгъ, то объ этомъ мною будетъ сказано во второй половинѣ настоящей книги.

Такое ли исправленіе книгъ Никонъ имѣлъ въ виду во время собора 1654 г., какое должно быть признано непогрѣшительнымъ и согласнымъ съ исправленіемъ, дозволяемымъ прежнею православною Церковію? Нѣтъ! „Никонъ,—читаемъ мы у профессора Каптерева,—говоритъ на соборѣ не о такихъ книжныхъ исправленіяхъ, подъ которыми бы разумѣлись внесенныя въ нихъ невѣжествомъ ошибки, описки и подобныя неважныя и легко исправимыя погрѣшности, но требуетъ исправленія книгъ, поскольку онѣ содержатъ, по его мнѣнію, нововводные чины и обряды, требуетъ, такъ сказать, исправленія самой церкви, а не книгъ только. Требуемая Никономъ на соборѣ 1654 года церковная реформа должна была существенно отличаться по своему характеру отъ всѣхъ предшествующихъ книжныхъ исправленій“. (Патр. Никонъ и царь Алексѣй Мих.—Каптеревъ, стр. 139—140). Естественно, поэтому, было заявленіе протеста нашими благочестивыми предками. Они усмотрѣли въ этомъ поступкѣ Никона большую опасность для цѣлости благочестія. Ихъ бдительному взору представлялась надвигающейся „зима“. „До сихъ поръ они искренно и твердо вѣрили,—продолжаетъ объ этомъ Каптеревъ,—что русская церковь приняла отъ грековъ православіе во всей его чистотѣ и полнотѣ, что въ теченіе вѣковъ она хранила его неизмѣнно и ни разу

не поступилась имъ ни въ какую сторону, такъ что православіе, и въ церковно обрядовомъ отношеніи, всегда царило въ ней безъ всякихъ колебаній и уклоненій, дало ей цѣлый рядъ великихъ угодниковъ Божіихъ... Сами греки не разъ открыто признавали, что русскіе всегда были тверды и неизмѣнны въ вѣрѣ, что Русь сдѣлалась опорою и единственно вѣрнымъ убѣжищемъ гонимаго на востокѣ православія. Много пребывало на Руси различныхъ греческихъ іерарховъ, не разъ бывали въ ней и сами патріархи различныхъ восточныхъ кафедръ, и никогда до Никона они не замѣчали, чтобы русская церковь содержала какіе-либо неправые церковные чины и обряды. Они, наоборотъ, только дивились русскому благочестію, восхваляли русскихъ за горячую преданность истинному православію, за ихъ религіозную крѣпость и устойчивость. Самъ константинопольскій патріархъ Іеремія торжественно заявилъ въ Москвѣ, что въ ней теперь слѣдуетъ быть престолу вселенскаго патріарха, что Москва теперь есть истинная столица всего вселенскаго православія, что она—третій Римъ. И вдругъ московскій патріархъ Никонъ торжественно заявляетъ теперь на соборѣ, что русское благочестіе сомнительно, такъ какъ русскіе содержатъ у себя неправые, нововводные церковные чины и обряды, и что самыя богослужебныя книги, по которымъ вѣруютъ и спасаются русскіе, исполнены очень серьезныхъ ошибокъ и погрѣшностей. Откуда же взялъ Никонъ это поразительное и страшное открытіе? Ему указали на него греки, церковныя книги, чины и обряды которыхъ порознились съ русскими. Тогда невольно возникалъ вопросъ: чьи же теперь книги нужно признать испорченными—русскія или греческія? Никонъ, съ голоса разныхъ сомнительныхъ заѣзжихъ къ намъ грековъ и кіевлянъ, рѣшительно заявилъ, что испорчены именно русскія книги, и что ихъ слѣдуетъ исправить по книгамъ греческимъ, которыя не подверглись никакой порчѣ. Но значительному большинству русскихъ крайне трудно и тяжело было согласиться съ этимъ мнѣніемъ Никона, признать его справедливымъ. Русскія церковныя

книги, обряды и чины испорчены: но кѣмъ, когда и съ какою цѣлью? Вотъ вопросы, которые необходимо возникали въ умѣ русскаго человѣка, и на которые онъ никакъ не могъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. На Руси не было, какъ въ Греціи, ни царей еретиковъ, ни верховныхъ іерарховъ отступниковъ, ни какая ересь ни разу не царила на Руси, православіе всегда и всѣми признавалось въ ней неизмѣнно, Русь именно гордилась тѣмъ, что разъ принятое ею православіе она всегда хранила твердо, безъ малѣйшихъ измѣненій. Кому же теперь и для какой цѣли понадобилась порча русскихъ церковныхъ книгъ, въ которыя всѣ вѣрили, которыя въ глазахъ русскихъ всегда были такъ святы и непререкаемы, что они не рѣшались измѣнить въ нихъ даже единой буквы, учили, что православному человѣку слѣдуетъ умирать за едину букву азъ, если она будетъ измѣнена въ его священныхъ книгахъ. А между тѣмъ, если вѣрить Никону, оказалось, что русскіе, учившіе православныхъ умирать за едину букву азъ, какъ-то странно не замѣтили порчи всѣхъ своихъ богослужебныхъ книгъ. Когда же въ самомъ дѣлѣ и какъ могло случиться это непонятное и странное явленіе? На этотъ вопросъ русскій не находилъ отвѣта *).

Указаніе на то, что русскія церковныя книги... испортило, исказило вѣковое русское невѣжество, конечно, ровно ничего не объясняло, потому что невѣжество могло только объяснить появленіе въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ разныхъ описокъ и неважныхъ погрѣшностей въ текстѣ, происшедшихъ отъ неумѣлой или невнимательной переписки книгъ, но никакъ не могло объяснить появленія въ книгахъ неправыхъ, нововводныхъ чиновъ и

*) Дьяконъ Ѳеодоръ, напримѣръ, по этому случаю говоритъ въ своей челобитной государю: „А во твоемъ государствѣ не бывало еретиковъ прежде, кои бы святыя книги превращали и противныя въ нихъ догматы вносили“. Въ посланіи изъ Пустозерска къ сыну своему Максиму Ѳедоръ пишетъ: „Аще бы на Москвѣ приложили (въ Символъ) *истинная*: кто приложилъ именемъ—царь ли, или святитель кой? и въ кое лѣто? и како тому прилагатаю церковь премолча о прилогѣ? И аще вси люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ на Москвѣ и приложи нѣкто *истинная* и утече нѣгдѣ“. (Матер. V, 41, 154).

обрядовъ, такъ какъ для этого требовалось уже творчество и, во всякомъ случаѣ, серьезная передѣлка существовавшихъ тогда церковныхъ чиновъ и обрядовъ на новый ладъ;—дѣло настолько замѣтное и крупное, что оно никакъ не могло пройти незамѣченнымъ, особенно въ русскомъ обществѣ, всегда крайне чуткомъ къ малѣйшимъ обрядовымъ перемѣнамъ...

На Соборѣ 1654 года Никонъ постарался намѣчаемую имъ церковную реформу выдать за дѣло представителей всей русской церкви, показать, что его реформаторская дѣятельность опирается на согласіе и одобреніе цѣлаго Собора, а не есть только его личное дѣло, или дѣло небольшого кружка лицъ, хотя бы очень сильныхъ и великую власть имѣющихъ. Но этимъ Никонъ далеко не достигъ своей цѣли,—оппозиція его реформамъ нисколько не была ослаблена Соборомъ 1654 года.

Дѣло въ томъ, что Соборъ 1654 года уполномочивалъ Никона произвести исправленіе замѣченныхъ имъ погрѣшностей въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ на основаніи старыхъ харатейныхъ книгъ славянскихъ и греческихъ, а вовсе не на основаніи печатныхъ заграничныхъ греческихъ книгъ, или на основаніи современной греческой церковной практики, по указаніямъ и подъ руководствомъ современныхъ грековъ. Во всѣхъ отвѣтахъ на вопросы и указанія Никона Соборъ очень ясно и опредѣленно заявилъ, что тѣ или другія погрѣшности „достойно и праведно исправити противо *старыхъ харатейныхъ и греческихъ*“; или: „и рече Соборъ положити противъ *древнихъ* установовъ“, т. е. Соборъ желалъ и уполномочивалъ Никона производить исправленія по *древнимъ* славянскимъ переводамъ и по *древнимъ* греческимъ спискамъ такъ, чтобы эти исправленія опирались исключительно на греческую и русскую *старину*, а вовсе не на современную только греческую церковную практику“. (Патр. Никонъ и царь Алексѣй Мих.—Каптеревъ,—стр. 139—146).

Если, такимъ образомъ, исправленіе церковныхъ книгъ сводилось только къ „описками“ и другимъ погрѣшностямъ, оказавшимся отъ неисправности переписчиковъ,

то согласіе Собора 1654 г. на это было совершенно понятно и соотвѣтствовало практикѣ церковной прежняго времени. Но вотъ въ чемъ суть: Никонъ, воспользовавшись согласіемъ Собора на исправленіе книгъ „противо старыхъ харатейныхъ и греческихъ", на самомъ дѣлѣ исправлялъ ихъ по новымъ греческимъ книгамъ, чѣмъ и нарушилъ волю Собора 1654 г.

III.

Исправленіе книгъ Никономъ было начато съ Служебника, который и былъ по исправленіи представленъ слѣдующему Собору 1655 года, созванному самимъ же Никономъ.

Какого же достоинства оказался этотъ первоисправленный Служебникъ, это „дѣтище" Никона? Отвѣтъ на это мы находимъ среди данныхъ, только появившихся на свѣтъ Божій. Въ среднихъ числахъ февраля,—какъ сообщаютъ Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства (№ 40 за 1909 г.),—въ Императорскомъ обществѣ любителей древней письменности былъ заслушанъ докладъ А. А. Дмитріевскаго, въ которомъ сказано, что „первое изданіе Служебника оказалось неудачнымъ: его сжигали и отбирали". Очевидно, „хороши" были исправленія, если пришлось самимъ издателямъ Служебника сожигать его тогда же, чуть-ли не при самомъ выходѣ его въ свѣтъ. Современныя изслѣдованія представителей науки открыли намъ новые факты, ярко характеризующіе книжное исправленіе Никона. Онъ, судя по новымъ даннымъ, для того, чтобы придать больше авторитета своему дѣлу исправленія книгъ, рѣшился на завѣдомую неправду. Другими словами: онъ учинилъ въ этомъ дѣлѣ обманъ. Такъ, мы читаемъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" (іюль—августъ 1908 г.) интересную статью проф. Каптерева о церковно-обрядовыхъ реформахъ Никона. Вотъ что пишетъ проф. Каптеревъ въ этой книгѣ: „Никонъ сильно торопился съ своими церковными реформами. Не дожидаясь полученія изъ Константинополя отвѣта на послан-

ные имъ туда вопросы, онъ, подъ вліяніемъ указаній антіохійскаго патріарха Макарія, въ мартѣ 1655 года поспѣшилъ созвать въ Москвѣ соборъ, на которомъ, кромѣ Никона и русскихъ архіереевъ, присутствовали еще патріархи: антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ. Свѣдѣнія объ этомъ Соборѣ изложены въ предисловіи къ Служебнику, напечатанному въ 1656 году, съ согласія и одобренія Никона. Здѣсь разсказывается, что будто бы еще до Собора 1655 года была получена отвѣтная грамота константинопольскаго патріарха Паисія на посланные ему Никономъ вопросы; въ этой грамотѣ Паисій будто бы вполнѣ одобрялъ всю дѣятельность Никона, настойчиво совѣтовалъ ему провести намѣченныя имъ реформы и даже указывалъ ему на нѣкоторыя другія новшества русскихъ, которыя не были обозначены въ вопросахъ Никона. Разсказывается, что будто бы только послѣ прочтенія этой Соборной грамоты, присланной константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, Никонъ „симъ къ большему благихъ желанію воздвигшеся“, сталъ собирать имѣвшіяся въ русскихъ монастыряхъ древнія славянскія рукописи богослужебныхъ книгъ и затѣмъ послалъ Арсенія Суханова на Востокъ для пріобрѣтенія тамъ древнихъ греческихъ рукописей, чтобы, такимъ образомъ, исправить русскія богослужебныя книги по древнимъ греческимъ спискамъ и по старымъ славянскимъ переводамъ. Только послѣ такихъ приготовленій и собранъ былъ Соборъ въ 1655 году, на которомъ былъ прочитанъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія Никону, „и судиша е право и отъ Святаго Духа составлено быти“. Разсказывается, что антіохійскій патріархъ Макарій принесъ на Соборъ и свои книги—Служебникъ и другія, и что на Соборѣ „тако вся старописанныя греческія и славянскія книги разсмотрѣвше, обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія. Прочтеннымъ же симъ всѣмъ и разсужденнымъ, судиша тако быти, якоже апостольская и седми

вселенскихъ соборовъ святыя правила повелѣваютъ, и якоже на святыхъ соборѣхъ, первое въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ царскихъ палатахъ, потомъ же—въ Константинополи, у всесвятѣйшаго Паисія патріарха, и съ нимъ священныхъ мужей, установлено бысть".

Весь этотъ разсказъ о Соборѣ 1655 года, напечатанный, вѣроятно, съ вѣдома Никона, только спустя годъ послѣ Собора, имѣлъ въ виду показать, что Никонъ въ дѣлѣ исправленія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ руководился не личнымъ только усмотрѣніемъ, не указаніями случайныхъ заѣзжихъ въ Москву греческихъ іерарховъ—милостынесобирателей, а голосомъ всей константинопольской церкви, выразившемся въ Соборномъ опредѣленіи, которое прислалъ Никону константинопольскій патріархъ Паисій. Только послѣ полученія этого отвѣта, вполнѣ будто бы одобрявшаго реформы Никона и прямо его поощрявшаго, онъ приступаетъ къ собранію старыхъ славянскихъ книгъ, на основаніи которыхъ, довольно ихъ изучивши, и производитъ исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ. Все дѣло исправленія Служебника Никонъ представляетъ затѣмъ на усмотрѣніе Собора, который, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и сличенія древнихъ греческихъ и славянскихъ служебниковъ, одобряетъ приготовленный къ изданію Служебникъ, постановляетъ и другія книги исправить такимъ же образомъ и, между прочимъ, согласно съ тѣми указаніями, какія сдѣланы въ Соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія.

Свѣдѣнія о Соборѣ 1655 года, изложенныя въ предисловіи къ Служебнику, напечатанному Никономъ въ 1656 году, во многомъ и очень важномъ невѣрны и тенденціозны. Прежде всего, грамота константинопольскаго патріарха Паисія, которая будто бы послужила исходной точкой для книжныхъ исправленій Никона и публично читалась на Соборѣ 1655 года, въ дѣйствительности была получена въ Москвѣ уже спустя почти два мѣсяца послѣ Собора. Соборъ былъ въ мартѣ, а грамота патріарха Паисія была прислана съ грекомъ Мануиломъ

Константиновымъ, который прибылъ въ Москву только перваго мая, такъ что все, что предисловіе Служебника говоритъ о Соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, читанной на Соборѣ 1655 года, есть завѣдомая неправда*). Затѣмъ, по несомнѣнному свидѣтельству Павла Алепскаго, Соборъ 1655 года продолжался никакъ не болѣе одной недѣли. Слѣдовательно, Собору рѣшительно не было времени заниматься сличеніемъ множества собранныхъ греческихъ и славянскихъ рукописей съ книгами московской печати, не было времени и книгу Служебникъ „во всемъ справить и согласну сотворить древнимъ греческимъ и славянскимъ“ Служебникамъ.

Какъ въ дѣйствительности происходилъ Соборъ 1655 г., что и какъ на немъ дѣлалось, объ этомъ сохранилось вполнѣ достовѣрное и довольно обстоятельное извѣстіе у Павла Алепскаго, очевидца Собора, такъ какъ онъ лично на немъ присутствовалъ. Онъ сообщаетъ: „Московскій патріархъ созвалъ Соборъ (1655 г.) вслѣдствіе узаконеній, которыя сдѣлалъ ему нашъ учитель (т. е. патріархъ Макарій), и совѣта, который онъ имъ далъ относительно нововведеній и разныхъ погрѣшностей въ дѣлахъ вѣры... Патріархъ Никонъ послушался словъ нашего владыки патріарха и перевелъ Служебникъ литургіи съ греческаго языка на русскій... напечаталъ этотъ Служебникъ въ нѣсколькихъ тысячахъ (экземпляровъ) и роздалъ ихъ по церквамъ всей страны.. Патріархъ Никонъ, такъ какъ онъ любитъ грековъ.. сказалъ, обращаясь къ архіереямъ и прочимъ присутствующимъ архимандритамъ и священникамъ: „Я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра—греческія“.

Нѣкоторые изъ архіереевъ отвѣтили повиновеніемъ, говоря: „Свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ страны Востока“; а нѣкоторые изъ нихъ... внутренно возроптали, говоря про

*) Греческія дѣла 7162 г., Связка 33, № 14. О пріѣздѣ грека Мануила Константинова съ грамотами константинопольскаго патріарха Паисія.

себя: „Мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле“. Однако, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ: (доказательство) какъ онъ поступилъ съ епископомъ коломенскимъ, ссылая его“.

Такимъ образомъ, изъ свидѣтельства Павла Алепскаго оказывается, что соборъ 1655 года былъ созванъ вслѣдствіе указаній на недостатки русскаго церковнаго обряда и чина со стороны антіохійскаго патріарха Макарія, что Никонъ исправлялъ тѣ церковные недостатки, на которые ему указывалъ теперешній его вдохновитель, руководитель и совѣтникъ въ дѣлѣ реформы—патріархъ Макарій, что на соборѣ вовсе небыло никакихъ тщательныхъ разсмотрѣній и обсужденій древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, а только представленъ былъ простой переводъ съ Служебника Макарія, съ котораго потомъ и напечатано было нѣсколько тысячъ экземпляровъ...

На соборѣ 1655 года Никонъ очень торжественно и, въ то же время, очень рѣзко, никѣмъ не вынужденный, заявилъ рѣшительно о своемъ полномъ разрывѣ съ традиціонными русскими вѣрованіями и убѣжденіями, свой окончательный переходъ на сторону грековъ и греческихъ воззрѣній. „Я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра—греческія“, говорилъ Никонъ отцамъ русскаго собора. Это публичное, торжественное отреченіе верховнаго архипастыря русской церкви отъ русскихъ вѣрованій и убѣжденій въ пользу иностранныхъ—греческихъ, это торжественное признаніе себя Никономъ по духу истымъ грекомъ, необходимо должно было произвести крайне непріятное и тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые вовсе не думали и не желали отказываться отъ своего русскаго въ пользу греческаго, въ чемъ, конечно, и нужды-то никакой не было и для Никона. На обидное для національнаго самосознанія русскихъ заявленіе Никона нѣкоторые изъ членовъ собора подобострастно отвѣчали, что „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ странъ Востока“. Но другіе молчали, и хотя, изъ боязни

предъ грознымъ и всемогущимъ патріархомъ, не рѣшались на открытое его порицаніе, однако съ неудовольствіемъ говорили про себя: „Мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле". Значитъ, соборъ 1655 года не былъ выраженіемъ свободнаго голоса всей русской церкви, а почти исключительно личнымъ дѣломъ Никона, дѣйствовавшаго теперь по указаніямъ и подъ руководствомъ случайно пріѣхавшаго въ Москву за милостынею Антіохійскаго патріарха Макарія, такъ какъ нѣкоторые члены собора вовсе не одобряли производимой Никономъ ломки русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, и если они открыто и не возстали противъ него на соборѣ, то единственно потому, что боялись жестокой расправы за это со стороны Никона, который не допускалъ никакого противорѣчія своимъ мнѣніямъ, какъ это ясно для всѣхъ было видно изъ примѣра епископа Павла Коломенскаго. Что же касается разсказа о соборѣ 1655 года, помѣщеннаго въ предисловіи къ служебнику, изданному Никономъ, гдѣ событія собора передаются въ значительно извращенномъ видѣ, но при томъ такъ, чтобы все дѣло собора представить въ благопріятномъ для Никона свѣтѣ, то, по нашему мнѣнію, самое уже появленіе этого тенденціознаго разсказа служитъ доказательствомъ за то, что и соборъ 1655 года происходилъ далеко не такъ, какъ хотѣлъ Никонъ, почему и признано было необходимымъ представить происходившее на соборѣ значительно иначе, нежели какъ было въ дѣйствительности (стр. 157—162).

Изъ этихъ современныхъ научныхъ изслѣдованій прекрасно видно, что Никонъ въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ употреблялъ далеко не благовидныя средства; понятно также, что онъ истиной положительно не дорожилъ.

Стараніе его въ исправленіи богослужебныхъ книгъ все сводилось къ тому, чтобы русская церковь была одинакова съ современной ему—греческой, вовсе не задаваясь вопросомъ: „какова же, въ самомъ дѣлѣ, греческая церковь? не отступила-ли она отъ пути, по которому

шла древняя греческая церковь?“ Что дѣйствительно это такъ, мы находимъ источники, въ достовѣрности которыхъ едва-ли усумнится самый, такъ сказать, отпѣтый никоніанскій миссіонеръ. Такъ, мы читаемъ у проф. Голубинскаго, видимо старающагося оправдать никоновское исправленіе и доказать несостоятельность протеста нашихъ предковъ. „Никонъ предпринялъ свое исправленіе богослужебныхъ книгъ потому, что перемѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ и на современныхъ себѣ грековъ,—что, отказавшись отъ прежняго нашего мнѣнія о нихъ, будто они утратили чистоту православія, началъ смотрѣть на нихъ, какъ на неизмѣнно и неповрежденно сохраняющихъ эту чистоту. Что же изъ сего слѣдовало по отношенію къ богослужебнымъ книгамъ? Очевидно—то, чтобы онъ захотѣлъ и предпринялъ исправить наши книги по современнымъ книгамъ греческимъ, дабы привести насъ относительно нихъ въ полное согласіе съ современными себѣ греками... (Далѣе): Приступая къ исправленію книгъ, что провозглашалъ Никонъ на соборѣ 1654 года, въ своихъ извѣстныхъ „возглашеніяхъ“, какъ не то, что онъ желаетъ привести русскую церковь относительно обрядовъ и богослуженія къ согласію и единенію съ *современною* церковью греческой?... *) Первоисправленный Никономъ Служебникъ и всѣ послѣдующіе новые служебники вплоть до настоящаго не составляютъ какихъ-нибудь книгъ секретныхъ, относительно которыхъ была бы невозможна повѣрка. Эта повѣрка документальнымъ образомъ и доказываетъ, что Никонъ исправилъ служебникъ не по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ, а по современному себѣ печатному греческому евхологію и по современному живому чину греческой церкви“... (Примѣчаніе) Профессоръ кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскій въ одномъ изъ засѣданій общества Нестора

*) Замѣчательно, что ссылаясь въ этихъ возглашеніяхъ на книги греческія и славянскія, Никонъ ссылается на славянскія книги: древнія (старыя) харатейныя, а къ греческимъ книгамъ не прилагаетъ этихъ эпитетовъ („въ греческихъ служебникахъ, преводахъ, и въ нашихъ старыхъ... якоже греческія и наши старыя книги и уставы повелѣваютъ,... противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ“ и пр.)

Лѣтописца, бывшихъ въ 1894-мъ году, сдѣлалъ сообщеніе, въ которомъ утверждаетъ, что Никоновскіе справщики исправляли книги главнымъ образомъ не по греческимъ оригиналамъ, а по кіевскимъ славянскимъ книгамъ, правленнымъ съ греческихъ оригиналовъ (см. въ IX книгѣ „Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца“ свѣдѣнія о засѣданіяхъ, стр. 30.) Что вмѣстѣ съ греческими оригиналами Никоновскіе справщики имѣли у себя подъ руками и Кіевскія Славянскія книги, правленныя съ греческихъ оригиналовъ (въ Кіевской Руси началось это правленіе съ 1604 года, съ Стрятинскаго Служебника Гедеона Болобана, а въ самомъ Кіевѣ съ 1620 года, съ Служебника, напечатаннаго въ семъ году въ Печерской лаврѣ), это не только весьма вѣроятно, но и болѣе чѣмъ вѣроятно... Но какъ же понимать увѣренія предисловія къ служебнику, что книги предположено было Никономъ исправлять, а самый Служебникъ на самомъ дѣлѣ былъ исправленъ по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ? Что увѣренія эти должно понимать не въ смыслѣ обыкновенномъ, а особенномъ, не общемъ, а частномъ, это совершенно ясно видно изъ самаго же предисловія. Оно самопрямо и настойчиво говоритъ, что Никонъ предпринялъ свое исправленіе книгъ съ тою цѣлью, чтобы относительно нихъ привести русскую церковь въ полное согласіе съ современною церковью греческою.. (примѣчаніе) Вотъ приводимыя въ предисловіи слова изъ посланія патр. Паисія къ Никону: „да совершаютъ (всѣ священныя лица въ Россіи) послѣдованіе и всякое священнодѣяніе по чину великія церкве, да ни едино разнство имамы, яко чада истинная единыя и тояжде матере восточныя Апостольскія соборныя великія церкве Христовы...; сего ради мы отъ многія любве и еже къ Богу желанія, еже имамы быти во всѣхъ соединени и подобни, яко едино тѣло церковное, желаемъ, да исправятся (не согласія въ церковныхъ вещахъ), да не пребудетъ нѣкое слово у еретиковъ ссудити насъ, яко имамы разнства между нами“..., и собственныя слова предисловія: „да всякъ православный, невѣдѣнія и сопротивныхъ благочестію погрѣшеній и иже

оттуду находящія казни убѣгнувъ, во истинномъ разумѣніи и въ незазорномъ съ греческими православными законы согласіи поживетъ"... См. также „Сказаніе вкратцѣ, како и кѣмъ исправися чинъ проскомидіи божественныя литургіи", въ которомъ говорится, что Никонъ, „аще и вмалѣ видѣвъ разстоящу церковь (русскую) отъ восточныя (разумѣется—современныя) церкве, подвигся соединити ю (съ послѣднею). („Къ нашей полемикѣ съ старообр"., стр. 53, 54, 55 и 56).

IV

Выяснивъ цѣль и направленіе Никона въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ, мы перейдемъ къ вопросу о томъ: съ какихъ книгъ производилось никоновское книгоисправленіе, и кто эти книги грекамъ, современнымъ Никону, печаталъ?

На это намъ даетъ отвѣтъ, во-первыхъ, Селивестръ Медвѣдевъ, бывшій справщикомъ на московскомъ печатномъ дворѣ съ 7187 и по 7197 гг. Онъ разсказываетъ, что „по собраніи (чрезъ Арсенія Суханова и другихъ) древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей, царь Алексій и патріархъ Никонъ созвали соборъ, на которомъ были три патріарха: Никонъ, Макарій Антіохійскій и Гавріилъ Сербскій и другія духовныя лица. На соборѣ разсматривали всѣ старосписанныя греческія и славянскія книги и нашли, что древнія греческія книги съ ветхими славянскими во всемъ согласны, а въ новыхъ московскихъ печатныхъ книгахъ въ сравненіи съ древними греческими и славянскими отцы собора нашли многія несогласія и погрѣшности. При этихъ словахъ Медвѣдевъ замѣчаетъ въ скобкахъ: зри, православный читателю, прилѣжно, какъ на ономъ соборѣ вси разсмотриша наши славянскія древнія книги со греческими древними рукописьменными во всемъ согласны быти, а не съ новыми греческими у нѣмцевъ печатными книгами. А послѣ того собора всѣ книги древнія славянскія и греческія оставивше, *правили съ новопечатныхъ греческихъ*

у нѣмецъ. А тѣ книги съ древними греческими и славянскими не согласны, и тѣмъ въ міръ великій соблазнъ введоша". (Бѣлокуровъ: „Селивестръ Медвѣдевъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ и Іоакимѣ", стр. 27 и далѣе).

Пространное, обстоятельное и ярко характеризующее обстоятельства восточной церкви изслѣдованіе проф. Каптерева мы находимъ въ его книгѣ: „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку", гдѣ выясняется достоинство греческихъ богослужебныхъ книгъ слишкомъ въ неприглядномъ видѣ; тѣхъ именно книгъ, кои служили Никону основаніемъ и руководствомъ при его исправленіи: „Опасность, грозившая восточному православію со стороны турокъ, — пишетъ проф. Каптеревъ,—была чисто внѣшняя, не касавшаяся самой его сущности — ученія, такъ что отъ господства турокъ православіе теряло только количественно, а не качественно. Но другія неблагопріятныя условія, по увѣренію самихъ восточныхъ іерарховъ, грозили православію на востокѣ уже не внѣшне только, но прямо искаженіемъ чистоты самаго его ученія, привнесеніемъ въ него чуждыхъ вѣрованій. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ въ своемъ посланіи къ православнымъ русскимъ и грекамъ, жившимъ въ Польшѣ, между прочимъ пишетъ, что у грековъ, со времени завоеванія ихъ турками, „начали изсякать ручьи божественной мудрости, заглохло наше просвѣщеніе, насталъ для вселенной (духовный) голодъ и жажда. И даже западъ, т.-е. греки, живущіе на западѣ, терпятъ необычайное несчастіе. Ибо тѣ, которые плѣнены, пришли въ такое злосчастіе, что едва могутъ сохранить вѣру Христову цѣлою и неисказимою, и то съ большими опасностями и страданіями; тѣ же, которые, по человѣколюбію Божію, были свободными отъ этого плѣна и его бѣдствій, мало по малу попали въ другія затрудненія, вслѣдствіе того многобѣдственнаго раздѣленія церквей, которое приготовлено крайнимъ славолюбіемъ желающихъ властвовать вмѣсто Христа; такимъ образомъ и эти послѣдніе страдаютъ, бывъ подвержены

другимъ бѣдствіямъ". Русскіе имѣли полную возможность убѣдиться въ справедливости грустнаго заявленія Мелетія о плачевномъ состояніи православія на востокѣ. Послѣ завоеванія Константинополя турками, просвѣщеніе у грековъ дѣйствительно почти окончательно упало, школъ, гдѣ бы давалось научное образованіе, или вовсе не было, или онѣ были крайне рѣдки и притомъ, сравнительно съ западными школами, очень неудовлетворительны по своей постановкѣ. Поэтому всѣ греки, желавшіе получить высшее научное образованіе, по необходимости должны были учиться въ иновѣрныхъ, западныхъ школахъ или въ протестантскихъ или, въ большинствѣ случаевъ, въ латинскихъ. Въ Римѣ, въ концѣ 16 вѣка, папою Григоріемъ XIII была уже основана спеціальная греческая коллегія, гдѣ въ духѣ латинства, подъ руководствомъ отцовъ іезуитовъ, воспитывались молодые греки, которые потомъ должны были сдѣлаться поборниками и проводниками латинства среди православныхъ. Изъ этой римской греческой коллегіи вышли между прочимъ и извѣстные намъ дѣятели Арсеній грекъ и Паисій Лигаридъ. Даже тѣ ученые греки, которые остались вѣрны православію, обучаясь въ латинскихъ школахъ, принуждены были временно отказываться отъ православія и принимать латинство. Да и вообще иновѣрная школа, иногда даже невольно, должна была оказывать свое заражающее вліяніе на учащихся въ ней православныхъ грековъ, незамѣтно прививая къ нимъ или латинскія или протестантскія воззрѣнія, а между тѣмъ воспитанники иновѣрныхъ школъ, какъ получившіе высшее научное образованіе, стремились занять мѣста учителей, проповѣдниковъ и архіерейскія кафедры. Но этого мало. Не только ученые греки заражались иногда въ иновѣрныхъ школахъ чуждыми православію воззрѣніями, но и самыя греческія книги подвергались серьезной опасности быть попорченными, особенно со стороны латинянъ, которые, кромѣ школы, не прочь были и такимъ путемъ пропагандировать латинство между греками. Греки не имѣли у себя дома своей ти-

пографіи и принуждены были печатать свои книги заграницей, преимущественно въ Венеціи. Попытка константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса завести свою греческую типографію въ Константинополѣ, благодаря интригамъ іезуитовъ, потерпѣла полную неудачу, и греки принуждены были по прежнему печатать свои книги въ латинскихъ земляхъ, что открывало возможность латинянамъ злоупотреблять греческими печатными книгами. При упомянутой выше коллегіи въ Римѣ печатались и греческія книги, прошедшія предварительно чрезъ руки и цензуру отцовъ іезуитовъ. Сами венеціанскіе греки не прочь были внести въ печатаемыя ими греческія книги нѣкоторыя латинскія нововведенія.

Русскіе хорошо знали, что греки черпаютъ свою ученость, которою они такъ гордятся и превозносятся предъ русскими, въ иностранныхъ иновѣрныхъ школахъ, что греческія книги печатаются въ иновѣрныхъ земляхъ, и что иновѣрцы вносятъ въ ихъ книги свои ереси. Все это русскіе знали изъ заявленій самихъ грековъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна челобитная палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана, поданная имъ государю въ 1645 году, послѣ того какъ онъ исполнилъ порученіе константинопольскаго патріарха и собора, которыми онъ былъ посланъ въ Москву.

Въ своей челобитной царю Ѳеофанъ пишетъ: „буди вѣдомо, державный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что имѣютъ нанеже и лютори греческую печать и печатаютъ повседневно богословныя книги святыхъ отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зеліе — поганую свою ересь. И клеплютъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю, и то-есть нестаточно, потому что нынѣ есть древнія книги и библеи харатейные рукописьмены и богословные святыхъ отецъ въ монастырехъ во святой горѣ Афонской и въ иныхъ древнихъ монастырехъ и по тѣмъ библіямъ и книгамъ объявляетца ихъ лукавство. Посемъ нынѣ они которыя книги печатали и составили, по своему обычаю

и вымыслу, тѣми же книгами они борются во странахъ, а гдѣ древнихъ библѣй нѣтъ, и опоясаютца оружіемъ нашимъ и являются они мужественны и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлáми. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволятъ намъ печатать книги въ Царѣ-градѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Царѣ-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и ссиливаютъ они своею мздою... Сердцевидецъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе и вспомянулъ смуты, что имѣютъ христіане отъ еретиковъ и смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ и надѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ. Азъ прослезился и помыслилъ абіе понуждая отъ глубины сердца своего извѣстити обо всемъ къ великому вашему царствію, а преблагій Богъ избралъ тя царемъ на земли и есть ваше царское имя славно во всей земли. И будетъ извѣститъ въ сердце великому и державному царствію вашему къ надобю благочестивымъ и православнымъ христіаномъ: да повелиши быть греческой печати и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философства и богословія греческаго языку и по русскому, тогда будутъ переводить многія книги греческія на русской языкъ, которые не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятца отъ лукавства еретиковъ, да исполнятца во всемъ мірѣ православные христіанскіе книги и не будетъ нужны тѣми составленными римскими и люторскими книгами; здѣся исполнятца *древнія книги*, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ *прямо*, *подлинно* и благочестиво, и *тогда будетъ великая радость* во всемъ народѣ христіанскомъ и прославитца великое имя царствія вашего по всей вселенной. Сіе извѣщаю, державный царю, великому вашему царствію Божіимъ наставленіемъ, да не являюся докучникъ къ великому вашему царствію, потому что сіе

дѣло не одному мнѣ надобно, но и всѣмъ православнымъ христіанамъ". Понятно, какое глубокое впечатлѣніе должно было произвести на всѣхъ русскихъ это заявленіе палеопатрасскаго митрополита Θеофана. Оно вполнѣ подтверждало уже давно сложившееся у русскихъ убѣжденіе, что *греческія книги*, печатаемыя въ иновѣрныхъ земляхъ, намѣренно *искажаются тамъ еретиками, которые вносятъ въ нихъ свои ереси.* Отсюда русскіе само собою сдѣлали прямое заключеніе, что довѣрять новопечатнымъ греческимъ книгамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ расходятся съ русскими книгами, никакъ не слѣдуетъ, ибо сами греки и именно посолъ константинопольскаго патріарха и собора, палеопатрасскій митрополитъ, торжественно заявляетъ царю, что для избѣжанія козней еретиковъ греческія книги необходимо печатать въ Москвѣ, такъ какъ только здѣсь будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво. Не вѣрить этому заявленію Θеофана русскіе не могли уже потому, что оно вполнѣ подтверждало ихъ собственное ранѣе сложившееся мнѣніе о греческихъ новопечатныхъ книгахъ, да къ тому же и другія данныя подтверждали заявленіе Θеофана". (Стр. 396, 397, 398, 399, 400 и 401). Такъ излагаетъ дѣло по данному вопросу проф. Каптеревъ.

Не менѣе интересныя данныя о книжномъ исправленіи во время Никона мы находимъ въ докладѣ г. Дмитріевскаго, заслушанномъ въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности, на который я уже ссылался въ настоящемъ чтеніи. Особенно интересно въ немъ то, что г. Дмитріевскій основывался еще на неизданныхъ данныхъ. Очевидно, что въ архивахъ много еще можно найти такого, до чего, до сихъ поръ, невозможно было прикоснуться справедливому и безпристрастному изслѣдователю никоновско-реформаторской эпохи, по причинамъ, заключающимся въ строгости законовъ, каравшихъ тогда всякое поползновеніе — защищать русскихъ древлеправославныхъ христіанъ, называемыхъ тогда „раскольниками". „Основываясь на неизданныхъ

еще данныхъ,—читаемъ въ № 40-мъ т. г. „Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальства, — онъ (г. Дмитріевскій) бросилъ свѣтъ на темный до настоящаго времени вопросъ въ нашей духовно-исторической литературѣ: объ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ. Исправленный Служебникъ Никона 1655 года, вызвавшій расколъ въ православной церкви*), совершенно необслѣдованъ съ точки зрѣнія обще-литературной и библіографической. Докладчикъ сдѣлалъ попытку выяснить, откуда заимствованы были исправленія, чье вліяніе отразилось на ихъ характерѣ, и кто были главные „справщики“. Въ эпоху Никона, когда наши предки пользовались богослужебными книгами, заимствованными еще изъ древней Византіи, весь православный Востокъ давно уже преобразовалъ богослуженіе, забывъ древніе образцы. Наше до-никоновское богослуженіе восточнымъ отцамъ церкви казалось непонятнымъ, „зазорнымъ“. Востокъ въ отношеніи богослужебныхъ книгъ былъ объединенъ; онъ пользовался исключительно книгами, печатавшимися въ Венеціи и совершенно вытѣснившими рукописные служебники. Передъ реформой 1655 г. Никономъ организовано было нѣсколько экспедицій. Но какъ Востокъ, такъ и нашъ Югъ, въ лицѣ кіевскаго митрополита Петра Могилы, рабски слѣдовали венеціанскимъ образцамъ и поэтому никакого иного матеріала не могли дать для выполненія предпринятой у насъ реформы. Экспедиція Арсенія грека въ Новгородъ для покупки тамъ богослужебныхъ книгъ имѣла тотъ же конечный результатъ: пріобрѣтены были венеціанскія изданія. Соборъ восточныхъ іерарховъ окончательно повліялъ на исправлніе книгъ по образцамъ, печатавшимся въ Венеціи. Главными „справщиками“ и редакторами новаго Служебника были также люди, склонные къ исправленію книгъ по указаннымъ образцамъ.

---

*) Причиною раздѣленія русской церкви при Никонѣ былъ не одинъ этотъ служебникъ или другія богослужебныя книги, но тѣмъ не менѣе книжное исправленіе составляло тогда одну изъ главныхъ причинъ раздѣленія (примѣч. *Варакина*).

Одинъ изъ нихъ, хотя и москвичъ, трудолюбивый, но безъ выдающихся способностей, мало вліялъ на исправленіе книгъ: другой, Евфимій діаконъ, былъ кіевляниномъ; третій, Арсеній грекъ, появившійся въ Москвѣ случайно съ патріархомъ греческимъ Паисіемъ и задержанный здѣсь, какъ знатокъ греческаго и русскаго языковъ, несомнѣнно, были на сторонѣ привычныхъ и уже введенныхъ у нихъ на родинѣ венеціанскихъ образцовъ. Основнымъ матеріаломъ Служебника 1655 г., такимъ образомъ, послужили: венеціанскіе служебники изданій 1602 и 1604 г.г. и кіевскіе — 1620 и 1629 г.г.". Еще во время патріарха московскаго Филарета, цензоры, исправляя книгу Большой Катихизисъ, заявляли: — „греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, — читаемъ въ предисловіи древлеписьменнаго катихизиса, — и по своихъ воляхъ нечатати имъ книги не имѣютъ, и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ, и намъ такихъ новыхъ переводовъ греческихъ не падобно: хотя и есть въ нихъ что отъ новаго обычая напечатано, и мы тотъ новый вводъ не пріемлемъ, и (въ отвѣтъ на сіе) Лаврентій (сочинитель катихизиса) рѣче, то де и мы новыхъ переводовъ не пріемлемъ же, и искаженныя по странахъ" (древлеписьмен. катихизисъ въ предисловіи, лист. 8 и 20). Къ этому можно еще прибавить справку изъ историческаго очерка: „Какъ начался расколъ русской церкви", гдѣ говорится, „что при исправленіи книгъ (при Никонѣ) не всегда сличали ихъ съ древними греческими книгами, а правили и по новопечатнымъ въ Италіи, въ Венеціи. Оказалось даже, что изъ всѣхъ 498 греческихъ книгъ и рукописей, привезенныхъ съ востока Арсеніемъ Суховымъ, годились для исправленія по нимъ книгъ всего только семь-восемь рукописей, а остальныя и сами были не то что не безъ грѣха, а при строгомъ разборѣ не всегда могли служить подлинниками при исправленіи". (*Князьковъ*, стр. 56).

Изложивъ передъ Вами, братія, на сколько могъ, имѣющіяся данныя о достоинствѣ книгъ, съ какихъ было начато при Никонѣ исправленіе русскихъ богослужеб-

ныхъ книгъ, и указавъ при этомъ глубоко-интересные, при изслѣдованіи настоящаго вопроса факты, свидѣтельствующіе, какія нравственныя средства были употреблены Никономъ при введеніи имъ реформы, я перехожу къ вопросу о характеристикѣ лицъ, коимъ непосредственно Никонъ ввѣрилъ дѣло книжнаго исправленія. Отсюда мы увидимъ: можно ли было довѣрять этимъ лицамъ такое важное дѣло, какъ исправленіе церковныхъ богослужебныхъ книгъ.

V.

Для того, чтобы исправлять церковныя книги съ древнихъ греческихъ или вновь переводить книги съ греческаго языка на славянскій, нужны были люди, хорошо знакомые съ тѣмъ и другимъ языкомъ. И такихъ людей нашелъ Никонъ. Это были: іеромонахъ Епифаній Славеницкій, Арсеній Сухановъ, Архимандритъ Діонисій и Старецъ Арсеній грекъ. О первыхъ двухъ лицахъ я дамъ справку потомъ, а объ Арсеніи грекѣ и архимандритѣ Діонисіи, особенно объ Арсеніи, находятся подробныя свѣдѣнія въ изслѣдованіи профессора Каптерева въ книгѣ его: „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку.“ Найденное нами, говоритъ г. Каптеревъ,—слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ вполнѣ выясняетъ передъ нами дотолѣ темную личность Арсенія и даетъ твердыя данныя для сужденія, справедливы или несправедливы были на него нападки первыхъ противниковъ книжныхъ исправленій при Никонѣ.

Въ 1649 году, въ январѣ, прибылъ въ Москву за милостынею іерусалимскій патріархъ Паисій. Въ свитѣ, сопровождавшей патріарха, находился между другими и патріаршій дидаскалъ іеромонахъ Арсеній. Этотъ Арсеній, получившій, по тогдашнему времени, хорошее образованіе и къ тому же знавшій славянскій языкъ, былъ въ Москвѣ вполнѣ желанный человѣкъ, въ какомъ тогда у насъ особенно нуждались. Русское духовное и свѣтское пра-

вительство, т. е. царь и патріархъ, усиленно хлопотали въ то время о розыскѣ на востокѣ лицъ ученыхъ, образованныхъ, о привлеченіи ихъ въ Москву для учительства, для переводовъ книгъ, для рѣшенія разныхъ возникавшихъ церковныхъ вопросовъ. Русскіе хотѣли имѣть у себя учителей грековъ не только образованныхъ, но и строго православныхъ, хотѣли, чтобы учитель „не имѣлъ бы никакого пороку въ благочестивой вѣрѣ". Такимъ именно человѣкомъ, удовлетворявшимъ, повидимому, всѣмъ требованіямъ русскихъ и былъ патріаршій дидаскалъ Арсеній, къ тому же знавшій и славянскій языкъ. За его религіозную и нравственную благонадежность ручалось русскимъ то обстоятельство, что не могъ же іерусалимскій патріархъ имѣть у себя дидаскаломъ человѣка сомнительнаго православія и нравственно неблагонадежнаго. Съ согласія и одобренія іерусалимскаго патріарха, Арсеній былъ оставленъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя риторики. Но Арсенію пришлось учительствовать очень недолго. Едва патріархъ, по выѣздѣ изъ Москвы, успѣлъ доѣхать до Кіева, какъ уже прислалъ въ Москву донось на Арсенія, въ которомъ писалъ: „буди вѣдомо, благочестивый царю, про Арсенія, который остался въ царствіи вашемъ, да распросите его добрѣ, понеже онъ не утвержденъ въ вѣрѣ своей благочестивой христіанской; а онъ былъ прежде инокъ и священникъ и шелъ бысть бусурманъ, и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и бысть у нихъ учинился упіатомъ и имѣетъ на себѣ великое злое бездѣліе, и распросите его добрѣ и будете обрѣсти вся. А тѣ старцы, которые пришли отъ гетмана, мнѣ всѣ сказали подробну, и велите распросить, великое ваше царствіе, что мнѣ тѣ старцы разсказывали и люди Матвея воеводы, есть ли будетъ такъ, или нѣтъ по тому, что я писалъ къ патріарху господину Іосифу, брату и сослужителю. Утишите притчу ту лучши, что (пока) онъ самъ есть (тутъ), штобы не было разврата церковнаго; и паки азъ буду провѣдати подлинно и буду писать къ великому вашему царствію, понеже если долженъ, што ни услышу, то извѣщати и писати, потому что не подобаетъ въ нивѣ терну пребывати,

чтобы не наполнилась нива вся терніемъ, и надобно отженуть такожде и тѣхъ, которые имѣютъ ересь и есть двоеличны въ вѣрѣ, потому что я его обрѣлъ въ Кіевѣ, и зная онъ тотъ языкъ, говорилъ съ полковникомъ, и я взялъ его, а онъ не мой старецъ, какъ если я сказалъ приставу,—о беззаконіи, что имѣетъ, я не вѣдалъ. А нынѣ если провѣдалъ и пишу вашему царствію, да будете соблюдатися отъ таковыхъ человѣкъ, чтобы не оскверняли церквей христовыхъ такіе поганые и злые люди".

Этотъ неожиданный доносъ патріарха на своего бывшаго дидаскала произвелъ въ Москвѣ подобающее впечатлѣніе, — надъ Арсеніемъ велѣно было немедленно произвести слѣдствіе. Допрашивать его незначены были: бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій, да думный дьякъ Михаилъ Волошениновъ. Они поставили Арсенію слѣдующіе вопросы: изъ котораго государства онъ родиною, гдѣ воспитывался и учился, гдѣ постриженъ и какъ давно, и, постригшись, былъ ли въ іерействѣ; въ Римѣ и Польшѣ и въ иныхъ государствахъ онъ бывалъ ли, и если бывалъ, то для чего и сколько лѣтъ онъ жилъ въ Римѣ и Польшѣ? Отвѣчая на эти вопросы, Арсеній показалъ: родомъ онъ грекъ изъ Турціи, отецъ его Антонъ былъ „попъ и строитель города Трикала въ великомъ Новомъ селѣ". Ихъ у отца пять братьевъ, которые всѣ и нынѣ живы, и онъ Арсеній младшій, „а знатцы де на него Арсенія есть здѣсь на Москвѣ выѣзжіе гречане одного города". Крещенъ былъ въ младенчествѣ, и отецъ говорилъ ему, что воспріемникомъ его былъ мѣстный архіепископъ, имя котораго онъ не помнитъ. Отецъ научилъ его грамотѣ и церковному кругу, а послѣ того братъ его архимандритъ Афанасій взялъ его съ собою вмѣстѣ въ Веницейскую землю всего четырнадцати лѣтъ для ученія. Въ Венеціи онъ былъ годъ, выучился тамъ грамматикѣ, и изъ Венеціи тотъ же братъ свезъ его въ Римъ для ученія же. Въ Римѣ онъ прожилъ пять лѣтъ и учился въ школѣ „амирова и аристотелева ученья и седмь соборовъ. А какъ де дошло до 8-го и до 9-го собору, и у нихъ де по папину указу, на то приводятъ, присягать велятъ съ клятвою, будетъ

имъ то ученье принять, и онъ де къ нимъ пріобщиться и въ римской вѣрѣ быть съ ними за одно и 8-ый и 9-ый соборы держать, а безъ присяги и безъ клятвы де того ученья никому не открываютъ и учить не велятъ, и онъ де, видя то, прикинулся себѣ больнымъ и изъ Риму съѣхалъ для того, чтобы ему отъ греческіе вѣры не отпасть". На вопросъ: у кого онъ жилъ въ Римѣ, отъ кого пріобщался святыхъ таинъ, или онъ „пріималъ сокраментъ", Арсеній объяснилъ, что жилъ онъ въ Римѣ при греческой церкви Афанасія великаго, при которой живетъ греческій православный митрополитъ съ пятью или шестью Старцами, съ ними жилъ и онъ, Арсеній. Пріобщался онъ святыхъ таинъ у своего митрополита, „а сокраменту не пріимывалъ, да и митрополитъ де держитъ 7 соборовъ, а 8-го и 9-го не держитъ и къ папѣ не обращается, а какъ де папа велитъ ему быть къ себѣ на соборы, и онъ де на соборы къ нему ходитъ и за папу Бога молитъ". Противъ этого показанія Арсенія ему замѣчено было, что онъ говоритъ ложно, будто при той греческой церкви, при которой онъ жилъ въ Римѣ, митрополитъ православный, а не уніатъ, ибо папа всѣхъ старается дѣлать уніатами и всѣмъ, которые бываютъ въ Римѣ, не только въ школахъ. но и плѣннымъ выходцамъ „сокраментъ даетъ",—„да и потому явно того митрополита къ папѣ пріобщенье, что онъ къ нему на соборы ходитъ и за него Бога молитъ, а онъ, Арсеній, былъ ему сообщникъ и уніатъ, и ему надобно принести чистое покаяніе къ Богу, а вина своя принести къ государю и сказать правду". Но Арсеній настаивалъ, что онъ въ уніатствѣ не былъ, сакраменту не пріимывалъ и, не хотя римской вѣрѣ пріобщиться, изъ Риму пріѣхалъ въ Венецейскій городъ Бадовъ и былъ въ томъ городѣ три года—учился философскимъ наукамъ и лекарственному ученью". Изъ Бадова онъ пріѣхалъ въ Царьградъ къ брату своему архимандриту Афанасію и хотѣлъ здѣсь постричься, „и они де постричь его не хотѣли, чая того, что онъ въ римской вѣрѣ, и онъ де имъ сказалъ, что онъ въ Римѣ и Венецѣе былъ въ православной греческой вѣрѣ, а въ римской

не бывалъ и при нихъ тое римскую вѣру проклялъ трижды". Тогда братья порѣшили его женить, но онъ отказался отъ этого и постригся, имѣя 23 года, а на другой годъ былъ поставленъ въ діаконы, а вскорѣ потомъ и въ попы Ларисскимъ епископомъ Каллистомъ. „А послѣ того вскорѣ-же тотъ же епископъ поставилъ его на Скафѣ островѣ въ Богородицкій монастырь въ игумены, и былъ онъ въ томъ монастырѣ игуменомъ шесть мѣсяцевъ". Изъ монастыря онъ отправился въ городъ Хію купить книгъ — семь соборовъ, но книгъ здѣсь не добылъ и отправился въ Царьградъ, гдѣ у одного знатнаго грека сдѣлался учителемъ его сына. Изъ Царьграда пріѣхалъ въ мутьянскую землю къ воеводѣ Матвѣю и жилъ у него три мѣсяца, а отъ Матвѣя переѣхалъ къ молдавскому воеводѣ и жилъ у него два года. Изъ Молдавіи Арсеній пробрался въ Польшу во Львовъ городъ, „а въ Львовѣ ему сказали, что есть школа въ Кіевѣ, а безъ королевскаго де листа въ ту школу его не примутъ, и онъ де Арсеній ѣздилъ о томъ бити челомъ ко Владиславу королю въ Варшаву. А у короля въ то время была болѣзнь камень, а другая у него болѣзнь, была чечуй, и какъ де королю сказали, что онъ, Арсеній. лѣкарствомъ навыченъ, и король де велѣлъ ему себя лѣчить, и онъ де лѣкарства ему давалъ и вышелъ у него камень не малъ, а чечуй де у короля дохтуры рѣзали и отъ того королю была болѣзнь большая, и шла кровь многая, и онъ де Арсеній отъ тое болѣзни давалъ королю пыль присыпать, и отъ того де у него болѣзнь засохла, и кровь перестала, и король далъ ему въ Кіевъ къ митрополиту Селивестру Косову отъ себя листъ, чтобы его въ школу принялъ". Арсенію говорили, что государю стало подлинно извѣстно, что онъ Арсеній былъ уніатомъ и, оставя черпечество и іерейство, сдѣлался бусурманомъ, а изъ басурманства былъ опять въ уніатствѣ жъ, чтобъ онъ говорилъ правду. Но Арсеній рѣшительно настаивалъ, что всѣ взведенныя на него обвиненія безусловно ложны, „а буде де кто въ томъ его уличитъ, что онъ былъ уніатомъ и бусурманомъ, и царское бъ величество велѣлъ съ него кожу

снять,—въ томъ онъ у государя милости не проситъ". Въ виду запирательства Аресенія ему погрозили осмотромъ,—когда бусурманство его будетъ явно, и ему уже нельзя будетъ оправдаться. Тогда Арсеній, хотя и не вполнѣ, пошелъ на признанія. По словамъ Арсенія, константинопольскій патріархъ Парфеній, „знаючи его отца и племя", хотѣлъ его поставить коронскимъ епископомъ, но объ этомъ узналъ визирь, и такъ какъ Арсеній нѣкогда жилъ въ Венеціи, то визирь и подумалъ, что Арсеній купилъ эту епископію у патріарха съ тѣмъ, чтобы передать ее венеціанамъ, съ которыми у турокъ тогда только что начиналась война. Его взяли къ визирю, „и было ему истязаніе многое, и платье съ него и камилавку снимали и чалму на него клали и вкинули его въ тюрьму, и сидѣлъ де въ тюрьмѣ недѣли съ двѣ, а изъ тюрьмы ушелъ въ мутьянскую землю, а обусурманенъ не былъ". Арсенію объявили, что іерусалимскій патріархъ писалъ о немъ, что онъ былъ уніатъ, потомъ бусурманъ, а потомъ опять уніатъ, а патріарху сказали объ этомъ въ Кіевѣ старцы, прибывшіе отъ гетмана, такъ что онъ дѣйствительно „во всемъ еретикъ и дьяволъ". На это Арсеній отвѣтилъ, что уніатомъ и бусурманомъ онъ никогда не былъ, и кіевскіе старцы сказали на него патріарху ложно, „какъ де по навѣту отъ визиря сидѣлъ онъ въ тюрмѣ, и было ему мученье, и онъ де о томъ, извѣстилъ еросалимскому патріарху Паисѣю и во всемъ, исповѣдывался, и патріархъ де его во всемъ простилъ. А какъ де надъ нимъ у визиря было и про то ему нынѣ сказать мочно, а вѣдаетъ де про то іерусалимскій патріархъ Паисѣй". Арсенію выговаривали, что онъ все лжетъ такъ какъ іерусалимскій патріархъ писалъ о немъ государю, „что онъ по ся мѣсто злыхъ его (Арсенія) дѣлъ не вѣдалъ, а только бъ еросалимскому патріарху про то было вѣдомо, и онъ бы его для риторскаго ученія въ Московскомъ государствѣ, вѣдая его воровство, не оставилъ"; самому Арсенію слѣдовало извѣстить о себѣ царю и патріарху, „а таить было такого злаго дѣла за собою не довелось. А то знатно, что онъ своимъ ереги-

ческимъ вымысломъ хотѣлъ и въ московскомъ государствѣ свое злое дьявольское ученіе ввесть и православнымъ христіанамъ во благочестивой вѣрѣ еретическіе плевелы сѣять; а только бъ онъ въ московское царство пріѣхалъ не для такого злаго дѣла, и ему такое дѣло за что было таить? а въ московскомъ государствѣ православная вѣра сіяетъ много лѣтъ и отъ такихъ зловѣрныхъ еретиковъ и отъ ихъ плевельныхъ ученій отвращается и ни въ чемъ согласія ихъ не пріемлютъ, и его злой умыслъ всесильный Господь Богъ свыше узрилъ и въ томъ его воровствѣ обличилъ". „И Арсеній говорилъ: въ томъ де онъ предъ Богомъ грѣшенъ и предъ нимъ, государемъ, виноватъ, что такого дѣла царскому величеству не извѣстилъ, а обусурманенъ де онъ неволею, а какъ де онъ послѣ того пришелъ въ волошскую землю, и митрополитъ де янинской Іоасафъ его Арсенія въ вѣрѣ исправилъ и миромъ помазывалъ, да и еросалимскому де патріарху Паисѣю онъ про то объявилъ же и покаяніе принесъ, и патріархъ де въ томъ его простилъ и благословилъ и грамоту прощальную и благословенную патріархъ ему далъ, и та де патріархова грамота и нынѣ у него. А государю де не извѣстилъ онъ для того, что его Паисѣй патріархъ простилъ и служить велѣлъ, а остался де онъ въ Москвѣ не своею волею, про то де извѣстно великому государю". Къ этимъ показаніямъ Арсеній собственноручно подписался, что они истинны.—Лѣта 7157 г., іюля въ 27 день, по государеву цареву указу боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову, да дьякамъ Ивану Ѳедорову, да Давыду Дерябину, да Смирнову Богданову указалъ государь: сослать съ Москвы, подъ началъ въ Соловецкій монастырь для исправленія православныя христіанскія вѣры пріѣзжаго греченина старца Арсенья и велѣлъ его въ Соловецкомъ монастырѣ отдати подъ крѣпкое начало, а пищу и одежду и обувь велѣлъ государь давать ему братцкую". Въ грамотѣ къ Соловецкому игумену повелѣвается ему, когда въ монастырь привезутъ Арсенія, отдать его подъ крѣпкій началъ уставщику старцу Никодиму, береженье къ

нему имѣть большое (до Соловокъ Арсенія везли скованнымъ) и изъ монастыря его никуда не отпускать. Другою грамотою отъ 31 іюля къ соловецкому игумену Ильѣ съ братіею повелѣвается сосланнаго въ ихъ монастырь на вѣчное житье за еретичество гречепина чернеца Арсенія держать на Соловкахъ въ земляной тюрьмѣ въ крѣпости.

Изъ слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи грекѣ оказывается, что Арсеній былъ воспитанникъ греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, имѣвшей спеціальною цѣлью воспитывать грековъ уніатовъ, какимъ безъ сомнѣнія сдѣлался и Арсеній. Трудно и даже невозможно предположить, чтобы четырнадцатилѣтній мальчикъ, попавшій въ руки отцовъ іезуитовъ, могъ оказать какое-либо серьезное сопротивленіе нхъ вліянію. Уже по самому своему возрасту онъ не могъ еще хорошо понимать особенности православія и католичества, а потому безъ всякаго сопротивленія отдался водительству искусныхъ въ дѣлѣ совращенія своихъ учителей. Когда онъ прибылъ въ Константинополь, то его собственный братъ, архимандритъ Афанасій, не хотѣлъ его постригать на томъ основаніи, что въ Римѣ Арсеній сдѣлался латиняниномъ. Своими собственными родными братьями Арсеній принужденъ былъ, если вѣрить его показанію, торжественно проклясть латинство и сдѣлался православнымъ, но не надолго. Онъ вскорѣ вовсе отказался отъ христіанства и принялъ магометанство,—добровольно или вынужденно, какъ завѣрялъ самъ Арсеній, сказать трудно. Оставивъ Константинополь и поселившись въ Валахіи, Арсеній, а потомъ въ Молдавіи, попавши здѣсь въ православную среду, дѣлается христіаниномъ снова и притомъ, по требованію наличныхъ обстоятельствъ, православнымъ. Перебравшись во Львовъ, онъ опять дѣлается уніатомъ, ѣдетъ въ Варшаву и живетъ здѣсь нѣкоторое время при дворѣ польскаго короля и наконецъ посылается послѣднимъ въ кіевскую православную школу въ качествѣ учителя,—конечно въ видахъ пропаганды здѣсь уніатства. Прибывъ въ Москву, Арсеній заявляетъ себя

здѣсь строго православнымъ и, будучи затѣмъ на Соловкахъ подъ строгимъ началомъ, онъ могъ, какъ требовали тогда отъ него обстоятельства, умиляться при созерцаніи процвѣтанія и строгости русскаго благочестія, плакаться, вмѣстѣ съ соловецкими иноками, на упадокъ истинной вѣры и настоящаго благочестія у грековъ, могъ, въ тонъ соловецкимъ старцамъ, изъ всѣхъ силъ подхваливать русское благочестіе, ставить его во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше греческаго и т. п. Очевидно, Арсеній былъ человѣкъ нравственно совсѣмъ искалѣченный даннымъ ему іезуитскимъ воспитаніемъ, человѣкъ, которому ничего не стоило мѣнять свои религіозныя убѣжденія, смотря по требованію обстоятельствъ: съ латинами онъ былъ латинянинъ, съ мусульманами — мусульманинъ, съ православными — православенъ, съ соловецкими иноками горячій поклонникъ русскаго благочестія и хулитель греческаго. Арсеній... принадлежалъ къ разряду тѣхъ авантюристовъ, какихъ въ то время было не мало между греками, которые подъ лоскомъ внѣшняго образованія, скрывали въ себѣ самый грубый эгоизмъ, полное отсутствіе убѣжденій, продажность, готовность на все изъ за личной выгоды, изъ желанія играть видную роль. Обуреваемые нечистыми пожеланіями, безпокойно бродили они съ мѣста на мѣсто, предлагая всюду и всѣмъ свои продажныя услуги, готовые торговать и совѣстью и религіею и своими учеными знаніями, лишь бы только нашелся покупщикъ, который бы хорошо платилъ за ихъ послуги. Понятно само собою, что Никонъ поступилъ крайне неосторожно, когда взялъ Арсенія изъ Соловокъ съ собою въ Москву и поручилъ ему здѣсь исправлять русскія церковно-богослужебныя книги. Вѣдь самъ іерусалимскій патріархъ призналъ Арсенія еретикомъ, человѣкомъ крайне опаснымъ для православія, и потому совѣтовалъ его, какъ зловредный тернъ, немедленно удалить съ православной русской нивы, чтобы не вышло отъ него какого-либо „церковнаго разврата“? Само русское правительство оффиціально признало Арсенія зловѣрнымъ еретикомъ, который „Своимъ еретическимъ вы-

мысломъ хотѣлъ и въ Московскомъ государствѣ свое злое дьявольское ученіе ввесть и православнымъ христіанамъ во благочестивой вѣрѣ еретическіе плевелы сѣять“;—какъ же можно было подобному человѣку поручать исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ? Если Никонъ самъ лично увѣрился въ полной невинности Арсенія, въ его всегдашней строгой приверженности и преданности православію, въ его полной пригодности для книжныхъ церковныхъ исправленій, то онъ обязанъ былъ, въ такомъ важномъ и щекотливомъ дѣлѣ, руководствоваться не только личнымъ усмотрѣніемъ и личною увѣренностью, но и брать во вниманіе совѣсть немощныхъ, которыхъ крайне смущало довѣріе патріарха къ уличенному въ неправославіи и за ересь сосланному на Соловки Арсенію. Если Арсеній открыто и оффиціально былъ обличенъ въ ереси и за еретичество сосланъ на Соловки, то Никону, прежде чѣмъ освобождать Арсенія изъ Соловокъ и поручать ему исправленіе русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, слѣдовало бы напередъ торжественно оправдать его отъ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, за которыя онъ былъ сосланъ, и только послѣ его полнаго и для всѣхъ убѣдительнаго оправданія, допустить его до участія въ работахъ по книжнымъ исправленіямъ, если ужъ онъ былъ такъ необходимъ для этого дѣла. Но Никонъ ничего не сдѣлалъ для оправданія Арсенія въ глазахъ русскихъ, считавшихъ его, и не безъ основанія, еретикомъ. Когда, послѣдствіи, Нероновъ укорялъ Никона, зачѣмъ онъ приблизилъ къ себѣ Арсенія и поручилъ ему исправленіе богослужебныхъ книгъ, хотя объ Арсеніи всѣмъ извѣстно, что онъ еретикъ и за ересь былъ сосланъ правительствомъ на Соловки, то Никонъ, на этотъ упрекъ Неронова, нашелся только сказать: „лгутъ де на него: то де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ“. Но подобное странное завѣреніе, конечно, никого не успокоило и не могло разсѣять предубѣжденій противъ Арсенія. Поэтому его участіе въ книжныхъ исправленіяхъ естественно послужило потомъ однимъ изъ глав-

ныхъ основаній для противниковъ реформъ Никона признать новоисправленныя книги еретическими; потому что Арсеній грекъ, завѣдомый еретикъ, внесъ въ нихъ при исправленіи свои ереси. Увѣренность противниковъ реформъ Никона въ еретичествѣ Арсенія поддерживалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что Арсеній по возвращеніи изъ Соловокъ продолжалъ однако оставаться подъ началомъ. Это видно изъ его собственной челобитной государю въ 1666 году, въ которой онъ заявлялъ: «сосланъ де онъ въ Соловецкій монастырь и по правиламъ святыхъ отецъ урочные лѣта въ запрещеніи ему прошли по второму помѣстному собору, и государь бы пожаловалъ, велѣлъ его изъ подначала свободить и быти въ монастырѣ: гдѣ государь укажетъ». И такъ Арсеній до 1666 года продолжалъ находиться подъ началомъ „для исправленія его православныя христіанскія вѣры“, а между тѣмъ онъ, исправляемый въ православіи, въ это время занимался исправленіемъ московскихъ церковныхъ чиновъ, обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, въ чемъ они не согласны были съ истинно-православными церковными чинами, обрядами и богослужебными книгами,— несообразность слишкомъ очевидная.

Вмѣстѣ съ Арсеніемъ грекомъ дѣятельную роль по книжнымъ исправленіямъ игралъ еще иверскій аѳонскій архимандритъ Діонисій. Въ дѣлѣ исправленія русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ къ Діонисію обращались за свѣдѣніями и справками, какъ къ знатоку церковныхъ чиновъ и обрядовъ, практиковавшихся на святой горѣ Аѳонской. Діонисій писалъ свои отвѣты на предложенные ему вопросы по-гречески, и его отвѣты переводились потомъ на русскій языкъ... Объ этомъ дѣятелѣ въ эпоху русскихъ церковныхъ замѣшательствъ ходили у насъ очень нелестные слухи; но для насъ особое значеніе имѣютъ не эти слухи о Діонисіи, а его собственная оцѣнка себя о своей московской дѣятельности, которую онъ сдѣлалъ въ челобитной государю предъ своимъ отправленіемъ на Аѳонъ. Въ этой челобитной Діонисій обидчиво заявляетъ государю, что инымъ архи-

мандритамъ, которые вовсе государю и не работали, однако дано было по 100, 500 и даже 1000 рублей и священныя одежды, „а ему Діонисію, который по царскому дѣлу задержанъ былъ и лишенъ званія своего 15 лѣтъ и работалъ великому государю и святой соборной греко-россійской церкви столь многое время, всею душою и сколько было силы, и труды сіи вѣдомы государю, — ему дано только на 200 рублей соболями, и ему не только не съ чѣмъ будетъ явиться къ братіи, но и на дорогу едва станетъ. Пріѣхать же ему съ порожними руками въ монастырь предъ всѣми будетъ стыдно, и не знаетъ онъ, съ какимъ лицемъ явится предъ братіей, потому что, колко замѣчаетъ архимандритъ, если бъ и въ своихъ странахъ онъ столько бы пожилъ, то много бы пользы сдѣлалъ монастырю своему и себѣ, а здѣсь только напрасно здоровье свое изнурилъ, работая великому государю, и Мелетій не малую работу несъ, но за то и получилъ царскую милость неизреченно, а его, Діонисіева, работа не меньше“. Въ заключеніе Діонисій умоляетъ государя, за его многую службу святой соборной церкви и ему государю, прибавить ему еще милостыни, и ему дѣйствительно еще было дано на 200 руб. соболями и одежда. Эта откровенная оцѣнка своей работы „государю и святой соборной и греко-россійской церкви“ количествомъ рублей, это откровенное признаніе, что за малую дачу не стоило бы собственно и служить государю и святой соборной грековосточной церкви, настолько ясно, опредѣленно рисуетъ характеръ дѣльца, гречанина, работавшаго на Руси, что всякая дальнѣйшая характеристика Діонисія уже будетъ излишнею. Все большинству русскихъ казалось въ нихъ (Арсеніи и Діонисіи) подозрительнымъ: ихъ ученость, полученная въ латинскихъ школахъ; самое ихъ православіе, видимо пошатнувшееся подъ вліяніемъ латинскаго воспитанія; ихъ частная и общественная жизнь, несогласная съ представленіями русскихъ объ истинно благочестивой и строго православной жизни; вся ихъ дѣятельность, опредѣлявшаяся нерѣдко самыми нечистыми побужденіями и вожделѣніями и почти сов-

семъ чуждая высшихъ и истинно-нравственныхъ мотивовъ... Неудивительно... если многіе русскіе ко всей дѣятельности этихъ лицъ, особенно, въ сферѣ церковной, отнеслись крайне подозрительно или прямо отрицательно. Какъ было имъ не подумать, что эти пришлецы, съ очень темнымъ и сомнительнымъ прошлымъ, не твердые въ православіи, корыстолюбивые и эгоистичные, готовые служить всякому и всѣмъ, лишь бы только имъ хорошо платили за ихъ службу, — что эти пришлецы, ломая русскую церковную старину, рѣшая у насъ разные церковные вопросы, тѣмъ самымъ не исправляли будто бы затемнившееся православіе русской церкви, а только искажали его? Какъ русскимъ было не признать глубокаго униженія своей церкви и всего русскаго въ томъ обстоятельствѣ, что на святой Руси всѣми церковными дѣлами орудуетъ и заправляетъ выходецъ изъ Турціи, запрещенный архіерей-авантюристъ (Паисій Лигаридъ), лишенный своимъ патріархомъ кафедры и сана и даже не признаваемый самими восточными патріархами за православнаго?

Какъ русскимъ было не заволноваться при видѣ того, что русскія церковно-богослужебныя книги, будто бы не во всемъ строго православныя, вслѣдствіе допущенныхъ въ нихъ искаженій, исправляются человѣкомъ, который съ дѣтства былъ воспитанъ и совращенъ въ уніатство іезуитами, а потомъ принималъ мусульманство, а затѣмъ опять дѣлался то православнымъ, то уніатомъ, который и въ то время, какъ возстановлялъ „истинно-православный“ характеръ русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, самъ находился, однако, подъ началомъ „для исправленія его христіанскія православныя вѣры?» (стр. 207—220).

Теперь скажемъ коротенько и о первыхъ двухъ дѣятеляхъ книжнаго исправленія при Никонѣ: Епифаніи Славеницкомъ и Арсеніи Сухановѣ. Епифаній Славеницкій извѣстенъ намъ, начетчикамъ, какъ искажатель переводовъ святоотеческихъ житій и твореній съ греческаго на славянскій языкъ. Такъ, напримѣръ, въ

житіи св. Григорія Назіанзина онъ внесъ мысль, чуждую св. Григорію, что будто св. Григорій не принималъ или не признавалъ дѣйствительнымъ рукоположеніе еретиковъ аполинаріанъ, при чемъ Епифаній дѣлаетъ, въ переводимомъ имъ житіи св. Григорія, ссылку, въ подтвержденіе этой, чуждой св. Григорію, мысли, на письма его ко Клидонію пресвитеру и ко инѣмъ. Между тѣмъ такой мысли, о непризнаніи св. Григоріемъ аполинаріанскаго рукоположенія, ни въ одномъ изъ его писемъ не содержится и даже не упоминается.

Что же касается Арсенія Суханова, то о немъ можно бы много говорить, но имѣя въ виду его незначительное участіе въ дѣлѣ никоновскаго книжнаго исправленія, скажемъ только, что Сухановъ, по сочиненнымъ имъ извѣстнымъ „Преніямъ съ греками о вѣрѣ“, является тоже человѣкомъ неправдивымъ, ложно приписывавшимъ грекамъ то, чего по самымъ достовѣрнымъ изслѣдованіямъ за ними не оказалось *), и кромѣ того онъ, такъ же, какъ и Арсеній грекъ, вѣровалъ, такъ сказать, „смотря по требованію обстоятельствъ“: при патріархѣ Іосифѣ онъ былъ ревностнымъ защитникомъ древности, а со времени вступленія на патріаршество Никона, вмѣстѣ съ нимъ, сталъ ярымъ противникомъ древности и защитникомъ всѣхъ никоновскихъ новшествъ.

Вотъ какого достоинства были люди, приставленные Никономъ къ исправленію русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ.

VI.

Теперь, братіе, своевременно будетъ перейти намъ и къ тому вопросу: какъ были исправлены при Никонѣ богослужебныя книги? Для характеристики этого дѣла я изложу предъ вами рядъ мѣстъ изъ богослужебныхъ книгъ, которыя намъ будутъ служить основаніемъ

*) Неправда Арсенія Суханова въ томъ, что будто въ то время греки содержали всеобдержное поливательное крещеніе. Этого не говоритъ уже и самъ Сухановъ, во второмъ своемъ сочиненіи „Проскинитарій“.

для постановки на заключеніе слѣдующаго вопроса: исправлены ли были при Никонѣ русскія церковно-богослужебныя книги, или же наоборотъ, только испорчены? Начнемъ съ библіи:

Въ старыхъ книгахъ:	Въ никоновскихъ книгахъ:
1) Въ книгѣ Левитъ глав. 24, ст. 16 Проклинаяй же имя Господне, смертію да умретъ... аще туземецъ, или пришлецъ, егда проклянетъ имя Господне, да умретъ.	Вмѣсто „проклинаяй“ напечатано—„нарицаяй“ имя Господне смертію да умретъ... аще туземецъ, или пришлецъ наречетъ имя Господне, да умретъ“
2) Въ посланіи колоссаемъ апостола Павла гл. 2, ст. 13 (зач. 255) „И васъ мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ и въ необрѣзаніи плоти вашея сооживилъ есть съ нимъ, отмывъ намъ вся прегрѣшенія.	Вмѣсто „отмывъ“ напечатано: „даровавъ намъ вся прегрѣшенія“.
3) Въ чинѣ крещенія въ молитвѣ: „запрещаетъ ти діаволе, Господь нашъ Ісусъ Христосъ пришедый въ міръ и вселивыися въ человѣцехъ“.	Запрещаетъ тебѣ Господь, діаволе, пришедый въ міръ и вселивыйся въ человѣцехъ“.
4) Въ томъ же чинѣ, въ молитвѣ: „Велій еси Господи“ есть такое молитвенное обращеніе: „Молимся тебѣ, Господи, ниже да снидетъ съ крещающимся духъ лукавый“.	„Ниже да спидетъ съ крещающимся, молимся тебѣ, духъ лукавый“.

5) Въ томъ же чинѣ крещенія: „И вообрази Христа твоего, въ хотящемъ породитися святымъ крещеніемъ отъ моего недостоинства“.	„Хотящаго породитися моимъ окаянствомъ“.
6) Тамъ же, въ отрицаніи говорится: «Отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всея службы его и всѣхъ аггелъ его и всего студа его“.	Вмѣсто „студа его“, напечатано „и всея славы его“.
7) Въ канонѣ Пресвятой Богородицѣ, въ ирмосѣ 4-й пѣсни говорится: „пріиде Іисусъ пребожественный отъ Пречистыя Дѣвы“.	„Пріиде Іисусъ нетлѣнною дланію“.
8) Въ стихирахъ „на Господи Воззвахъ“ на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы говорится: „не познахъ бо мужа, браку есмь не причастна“.	Вмѣсто: „не познахъ бо мужа“ — „не познахъ бо сласти“.
9) Въ Октаѣ 3-го гласа, въ среду на утрени, пѣснь 5-я канона, говорится: „жертвы идольскія угасилъ еси всесильне“.	„Жертвы идольскія уставилъ еси всесильне“.
10) Въ чинѣ елеосвященія и освященія церкви говорится: „пріемъ архіерей (и іерей) сучецъ“.	„Пріемъ архіерей (и іерей) стручецъ“.

11) Въ канонѣ 8-й пѣсни 6-го гласа въ недѣлю на утрени, ирмосъ „Изъпламене святымъ“ говорится: „а праведнаго жертву и воду попалилъ еси“.	„А праведнаго жертву водою попалилъ еси“.
12) Въ чинѣ освященія воды въ Богоявленіе въ эктеніи говорится: „о еже быти водѣ сей приводящей въ жизнь вѣчную“.	„О еже быти водѣ сей, скачущей въ жизнь вѣчную“.

Кромѣ этого въ Никоновскихъ требникахъ включена молитва, приписываемая св. мученику Трифону, которой въ древнихъ славянскихъ и греческихъ требникахъ нѣтъ. Тамъ, въ этой молитвѣ, произносится заклинаніе червямъ и гусеницамъ, бывающимъ на нивахъ и поѣдающимъ плодъ ее, въ слѣдующемъ порядкѣ: „Заклинаю васъ... червіе, гусеницы и прузи Богомъ Отцемъ безначальнымъ и Сыномъ его собезначальнымъ и единосущнымъ, и Духомъ его пресвятымъ... Заклинаю васъ вочеловѣченіемъ Сына Божія... страстію его спасительною, и животворящею его смертію, и тридневнымъ его воскресеніемъ, и на небеса вознесеніемъ... Заклинаю васъ... херувимы (т.-е. херувимами)... серафимы (т.-е. серафимами)... Заклинаю васъ... честнымъ тѣломъ и кровію... Іисуса Христа. *Еще заклинаю васъ великимъ именемъ, на камени написаннымъ, и не носившемъ, но разсѣдшемся яко воскъ отъ лица огня*“ (требн. л. 22, 23). Спрашивается, что это за имя такое, которое не можетъ носить камень? Отвѣтъ на это находимъ въ четіи минеи Генваря 2-го, въ житіи св. Селивестра, папы римскаго, гдѣ повѣствуется о преніи сего святого съ волхвомъ Замвріемъ. Волхвъ Замврій убилъ вола, пошептавъ ему на ухо „великое имя, которое не можетъ носить ни хартія, ни камень“. Когда же святый Селивестръ, же-

лая показать силу христіанскаго Бога, обратился къ нему съ молитвою о томъ, чтобы Онъ воскресилъ этого вола, убитаго Замвріемъ, чрезъ пошептаніе ему во ухо „имени бѣсовскаго", то волъ немедленно оживѣлъ. Отсюда ясно, что это великое имя, которое не можетъ носить камень, есть имя бѣсовское. Такъ вотъ, никоновскіе справщики внесли такое заклинаніе, гдѣ приписывается сила имени бѣсовскому большая, чѣмъ сила имени Божія. Въ житіи св. мученика Трифона такого заклинанія, принадлежащаго яко-бы ему, тоже не находится.

Всѣ эти указанныя мѣста изъ богослужебныхъ книгъ приводятъ насъ къ тому неизбѣжному заключенію, что при Никонѣ было сдѣлано не исправленіе, а искаженіе и порча богослужебныхъ книгъ. Если-же ко всему этому прибавимъ еще опредѣленіе собора 1667 года: „еще же и писаніе еже есть сложено отъ нѣкотораго раскольника, и скрытаго еретика арменскія ереси, и напечатася невѣжествомъ и неразсудно въ книзѣ псалтирѣ со возслѣдованіемъ, и во иныхъ, (сирѣчь о сложеніи перстовъ, яко знаменатися повелѣваетъ по обычаю еже еретики армени знаменуются крестомъ) да не примете сіе и да никто же отъ нынѣ сему писанію вѣруетъ, ниже да держитъ, но искоренити повелѣваемъ отъ таковыхъ печатныхъ и письменныхъ книгъ" (Дѣянія собора, л. 15 поб.), то, тысячу разъ правы наши великіе предки и исповѣдники въ томъ, что „нарицаху бо книги печатныя новоисправленныя (вѣрнѣе: новоиспорченныя) и новопреведенныя (вѣрнѣе: новоискаженныя) при Никонѣ бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и растлѣнны" (Дѣяніе 1667 г. о соборѣ 1666 г. лист. 1 обор). Вполнѣ правдоподобно поэтому сказанное у Князькова, въ „Историческомъ очеркѣ" на стр. 56. что Никонъ сказалъ Арсенію греку: „печатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому". Такое приказаніе Никона Арсеніемъ грекомъ выполнено, какъ мы уже видѣли, съ поразительной точностью.

На основаніи вышеизложеннаго мы имѣемъ полное право заявить нашимъ противникамъ, что книги Нико-

номъ не исправлены, а искажены и испорчены, и что не предки наши, (вѣчная память имъ!) повинны въ расколѣ русской церкви, а реформаторъ и грубый деспотъ Никонъ и его сообщники, воспитанники іезуитскихъ еретическихъ школъ.

ИКОННАЯ, КІОТНАЯ и КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

НАСЛѢДНИКОВЪ

М. П. ВОСТРЯКОВА.

Москва, Лубянско-Ильинскія Торговыя пом., № 12.
Отдѣленіе: Ильинскія ворота.

Въ продажѣ имѣются и исполняются по заказу:

1) **Иконы** на краскѣ, на золотѣ (съ чеканкой и безъ чеканки), въ серебряныхъ и мѣдно-золоченыхъ ризахъ;
2) **Кресты** съ Голгоеой, напрестольные, священническіе, запрестольные (двухсторонніе);
3) **Хоругви;**
4) **Запрестольныя иконы;**
5) **Сосуды церковные;**
6) **Кадила;**
7) **Дароносицы;**
8) **Кіоты:** гладкіе, фигурные, рѣзные и съ бронзовыми отливами;
9) **Угольники;**
10) **Божницы;**
11) **Иконостасы;**
12) **Церковные кіоты;**
13) **Лѣстовки** простыя и для вѣнчанія;
14) **Серебряные и мѣдные тѣлесные кресты;**
15) **Литые изъ мѣди кресты и иконы:** загарскіе, анцифровскіе и поморскіе;
16) **Застежки для книгъ;**
17) **Книги служебныя и четныя:** единовѣрческія, преображенскія и уральскія;
18) **Книги пѣвчія:** печатныя и рукописныя;
19) **Книги гражданской печати:** Творенія святыхъ отецъ, церковная исторія, по старообрядчеству.

Для старообрядческихъ школъ и учителей дѣлается уступка на книги.

Для старообрядческихъ храмовъ исполняются иконостасы изъ дерева съ позолотой и безъ позолоты и иконы.

Денежную и заказную корреспонденцію слѣдуетъ адресовать
Ник. Мат. Вострякову.

